

Ю. П. ИВАСК

Розанов и о. Павел Флоренский

В этом году исполнилась сотая годовщина со дня рождения Василия Васильевича Розанова (1856—1919) и, может быть, десятая со дня кончины отца Павла Флоренского (1882—1946?). Оба они были друзьями. Эта дружба установилась не по «закону ли противоположностей» (которые будто бы сходятся)? Действительно, трудно найти более разительный контраст! Розанов — «гениальный вопрошатель христианства» (Мережковский), полный тоски по Ветхому Завету, искавший и находивший религию «святой плоти», «святого пола» у древних евреев и древних египтян; о. П. Флоренский — у которого якобы «отсутствовала христология» (по Бердяеву, о. Г. Флоровскому) — был одержим образом грядущего завета Св. Духа и образом Софии (но иначе, чем Вл. Соловьев, о. С. Булгаков и другие богословы и поэты раннего XX века). Розанов — беспокойный иудей по натуре, «плотяной» и «душевный» человек; о. П. Флоренский — спокойный эллин, «духовный» человек. Семейному Розанову хотелось уподобиться библейским патриархам, а о. П. Флоренский — это новый гностик, новый Ориген (хотя идеологически он его и осуждал). Розанов — журналист, мало что толком знавший: египтолог без солидной подготовки, нумизмат, покупавший фальшивые монеты, а о. П. Флоренский — замечательный ученый, философ, филолог, математик, физик, даже изобретатель (персонифицированный университет и политехникум!). Розанов — гениальный художник слова, а Флоренский — вычурный стилист, импонирующий немногим. Казалось бы — они противоположны во всем. Но оба (каждый по-своему) отталкивались от Нового Завета; и оба они были «неисправимыми мечтателями»: и интимно-болтливый автор «Уединенного» (1911) и «Опавших листьев» (1913—1915), и странно молчаливый автор каменного «Столпа и утверждения Истины» (1914).

У Розанова — при всей его нарочитой разбросанности — несомненно, есть своя система — и религиозная, и философская, а о. П. Флоренский — своего рода «урожденный» систематик; но оба они «начинаются с мечты»; и, быть может, именно поэтому они так близко сошлись. Идеология их разделяла, но мечта — сближала.

Некоторые наиболее пристальные наблюдатели, например Зинаида Гиппиус, видели в Розанове Задумчивого Странника; пусть ему самому очень хотелось воплотиться в патриархально-го Авраама—Исаака—Иакова, но на самом деле даже в семейном кругу он оставался одиночкой, неврастеником-романтиком декаданса; он обожал свою болящую жену, Друга, но и субъектом и объектом его песни песней был все тот же Василий Васильевич — отнюдь не патриарх, а нарцисс. Все его самые заветные слова всегда о самом себе: «Мой Бог — особенный. Это только мой Бог; и еще ничей». Или же — он «беспробудно» мечтает: то ему хочется «унежить» все человечество или же вспорхнуть душой-бабочкой в солнечном египетском раю. Здесь Розанов — гениален: он великий мастер русской прозы, передающий в своих писаниях все интонации живой разумной речи (что до него удавалось передать одному лишь Аввакуму). Это не только мастерство. Есть особый, высший смысл в розановских писаниях.

Вот уже больше четверти века я постоянно читаю Розанова и *со-мечтаю* с ним (без этого *со-мечтания* он едва ли может приоткрыться). Его религия пола и плоти сомнительна и поверхностна. Есть разложение, гнильца в его творчестве (он сам это признавал); и даже со-мечтательная беседа с ним «набивает оскомину»; очень уж часто он юродствует, хитрит — даже в моменты экстаза. Но есть и другое: был у этого нарцисса великий дар лирического восхищения жизнью и это лирическое восхищение, пусть и капризно-индивидуалистическое, имеет свою онтологию, свою метафизику. Кто знает — в Новом Иерусалиме, сходящем с небес, не преобразится ли все то, что было поистине прекрасного в мире, например пирамиды и акрополь, Айя София и Нотр-Дам? Но, может быть, в нем преобразятся и «найдут себе место» те восхитительные мелочи жизни, которые Розанов так любил и так хотел (бессознательно) *спасти*, например тот «томительно-свистящий вентилятор, который напомнил Василию Васильевичу о вечности, или свежий огурец и папироска, летом, «после купанья»... Никто во всей мировой литературе не расширял так границы вещественной эстетики, как Розанов, и, может быть, ни один из вариантов бессмертного псалма «Всякое дыхание да хвалит Господа» не звучал так трепетно-интимно... Если прислушаться-

ся к гениальной болтовне Розанова, к его неповторимому голосу, то в мелодии его речи можно расслышать *гимн Творцу*... Пусть он был «слеп в религии» (о. Г. Флоровский), пусть был он даже и полубогословом (хотя больше сорока лет писал «на религиозные темы»); в нем, как-то помимо него, пела-выпевалась бессмертная хвала Господу (как и в поэзии Пушкина, но у Пушкина совершенно иначе — стройно и чисто). Это напряженнейшее переживание жизни *как великого блага* не является ли своего рода онтологическим доказательством бытия Божия?

С о. П. Флоренским дело обстоит труднее. Понять его нелегко. Но если вчитаться в его «лирические отступления» (в «Столпе и утверждении Истины»), то не может оставаться никаких сомнений, что мечтателем был и этот гордый, ученый «совопробник мира», гностик и даже маг (о странной прозорливости его писал Н. О. Лосский в своей «Истории философии»). В его монументальном труде наряду с математическими формулами, цитатами на древнееврейском языке и даже экскурсами в осетинскую лингвистику мы читаем следующее: «Темняло... И — дождь шел взрыдами. Крыша взрыдывала в последней тоске и холодном отчаянии». (Именно «темняло» у Флоренского.) Это замечательный образец его своеобразного стиля, в котором простонародность, «семинарщина» и лирика отстраняются пышнейшими барочными построениями самого высокого стиля. У Розанова же — мещанский или мелкочиновничий говорок, газетные шаблоны и лирические вздохи, вопли...

Лирика ученого о. П. Флоренского питается пафосом дружбы (у Розанова же — пафосом уединения). Отец П. Флоренский обильно рассказывает о каком-то своем умершем друге и цитирует дневники — может быть, того же самого друга (но это остается неясным). Из упомянутых дневников мы узнаем, что писавший их — хотел уйти в мир, чтобы не покинуть своего «погрязшего в грехе» товарища. «Довольно платонизма», восклицает он: если друг падает, паду и я (но с тайной надеждой спасти его!). Мелодия дружбы звучит везде. Первое письмо в «Столпе и утверждении Истины» начинается обращением: «Мой кроткий, мой ясный!». Одна из эмблем-заставок изображает двух «амуров», натягивающих лук: оба они целятся друг в друга. Надпись же под «картинкой» гласит: *Бой счастливый*. В центральной главе книги («Дружба»), о. П. Флоренский с восхищением рассказывает о древнем православном обряде побратимства (отчасти параллельном бракосочетанию). Из Евангелия он приводит те места, где говорится, что Христос посылал учеников *по два* (двоицами, диадами). Самого Христа «концентрическими» суживающими-

ся кругами «обрамляют» толпы народа, потом тайные ученики, двенадцать апостолов, и, наконец, с ним остается его любимый ученик. Христианскую раннюю еkkлeсию объединяет вселенская любовь-агапе, но и индивидуальная — физическая. Чтобы любить всех братьев, надо одного любить в особенности. Через одного друга созерцается Бог. Это чистый платонизм (тема диалога «Федр»). Пламя дружбы — тихое пламя елeя. Это опять платонизм, эллинизм, и эта эллинистическая интерпретация Евангелия — односторонняя. Но вместе с тем нельзя сомневаться в том, что именно дружба (а не брак, добавил бы Розанов) является зерном евангельской общины, христианского Града Друзей. Эта дружба — общая, но и частная: со всеми братьями и с одним братом (Павел и Тимофей). Диады супругов в эту еkkлeсию тоже допущались (но об этом он не упоминает).

Отец П. Флоренский поздний, *осенний* эллин в христианстве, «православный декадент». Его книгу Бердяев удачно сравнивает с опадающим «золотой осенью» лесом. Но недаром утаенный друг о. Павла Флоренского восклицает: «Довольно платонизма!». И он, платоник, ему сочувствует; и недаром он цитирует истинно христианское житие блаж. Иоанна Мосха (из «Луга духовного») о том, как *чистый друг* ушел в мир вслед за грешным другом и его в конце концов спасает. Это параллель — к случаю, *рассказанному* в дневнике (см. выше). У гордого, по-осеннему прохладного о. Павла Флоренского чувствуется *не* одно эллинско-языческое любование, а и евангельское жертвенное рвение, которого не было у Сократа, у Федра или Федона. Стрела христианства *ныла* в сердце эллина о. П. Флоренского, как и в сердце иудея Розанова. Они оба христиане-мечтатели. Но христианство — не мечта; и Церковь не может не отнестись с недоверием к этому мечтательству и не может не осудить ветхозаветные, «реставрационные замашки» Розанова или соблазнительное «ускоренное» *взыскание* Третьего Завета Св. Духа у о. П. Флоренского (характерное для его эпохи). Но уединенная, *невольная хвала* Господу у Розанова есть единственный и неповторимый «феномен» христианской поэзии; и тоска по другу, боль за друга — полуутаенный филический пафос о. П. Флоренского — это тоже христианская поэзия, не менее трепетная, чем розановская, хотя и не выраженная «лучшими словами в лучшем порядке», а лишь едва намеченная в лирических отступлениях «Столпа и утверждения Истины».

О чем именно Розанов и о. П. Флоренский говорили друг с другом наедине, — мы, вероятно, никогда не узнаем. Но мы знаем, что эллиниствующий о. Павел Флоренский исповедовал и прича-

щал иудействовавшего Василия Розанова (перед самой его смертью).

Розанов умер 23 января 1919 г. в Троице-Сергиевом Посаде от последствий недоедания; а о. П. Флоренский (по данным, еще не проверенным) скончался в советском концлагере. Агония Василия Васильевича была мучительной, а отец Павел — не умер ли мучеником?

Их религиозный опыт был то внецерковным, то полужерковным. Но этот опыт мог осуществиться лишь в мире христианском. Оба были великими христианами-мечтателями, склонными к еретичеству. У обоих были черты гениальности»: и у полностью выговорившегося Розанова, и у о. П. Флоренского — самое главное утаившего. Да, первый все сказал, что мог сказать; а второй лишь «проговаривается» о том, что было ему одному ведомо*.

* Я не излагаю здесь учения о. П. Флоренского. Оно изложено и с самых разных точек зрения подвергнуто критике. Но его основная тема, тема дружбы, как-то была оставлена без внимания. Между тем, его анализ дружбы является своего рода шедевром. Книги о. П. Флоренского являются теперь библиографической редкостью. Избранные сочинения В. В. Розанова появились в Издательстве имени Чехова в 1956 г. (с моим вступительным очерком).